

Бесолова Елена Бутусовна

О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ СЕМАНТИКАХ В НАРТИАДЕ

Наряду с "осколками" древних мифов в героическом эпосе "Нарты" можно найти и "кусочки" истории - эпические имена, лежащие в основе эпической антропонимии. В статье предпринята попытка интерпретации имени "Сат?на" - героини эпоса - через верования индоиранцев. Мотив инцеста с сестрой "прочитывается" автором как наказание Урызмагу в виде публичной поездки верхом на осле задом наперед за нарушение брачного табу. Истолковывается означенный мотив в героических мифах двояко: с одной стороны, начало в истории героя, как и в истории мира, ассоциируется с хаосом; с другой стороны, инцест знаменует как зрелость, так и исключительность героя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/3-1/18.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 3(81). Ч. 1. С. 69-72. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Таким образом, сравнение материалов исследуемых языков выявило, что франкоязычная реклама на порядок интереснее с художественной точки зрения и более насыщена фоносемантическим компонентом, нежели англоязычная.

Список источников

1. **Ассонанс. Аллитерация. Звукоподражание** [Электронный ресурс]. URL: http://studopedia.ru/10_297798_assonans-alliteratsiya-zvukopodrazhanie.html (дата обращения: 10.03.2017).
2. **Викентьев И. Л.** Приемы рекламы и Public Relations: в 2-х ч. Изд-е 5-е. СПб.: Бизнес-пресса, 2001. Ч. 1. 256 с.
3. **Газзаева Э. Э.** Основные особенности перевода французских рекламных текстов [Электронный ресурс]. URL: <http://pglu.ru/upload/iblock/b22/gazzaeva.pdf> (дата обращения: 10.03.2017).
4. **Жаркова Т. И.** Языковые средства французской рекламы [Электронный ресурс]. URL: <http://festival.1september.ru/articles/310017/> (дата обращения: 10.03.2017).
5. **Колокольцева Т. Н.** Слоган как ключевой компонент рекламного текста // Рекламный дискурс и рекламный текст. М.: Флинта, 2011. С. 146-171.
6. **Краткий словарь литературоведческих терминов** [Электронный ресурс]. URL: http://tepka.ru/literatura_7.2/60.html (дата обращения: 09.03.2017).
7. **Beauty** [Электронный ресурс]. 2013. № 215. URL: <http://fashionmagazine.com/beauty/> (дата обращения: 08.03.2017).
8. **Beauty** [Электронный ресурс]. 2016. № 303. URL: <http://fashionmagazine.com/beauty/> (дата обращения: 08.03.2017).
9. **Biba** [Электронный ресурс]. 2013. № 309. URL: <https://www.bibamagazine.fr/archives/2013> (дата обращения: 08.03.2017).
10. **Elle** [Электронный ресурс]. 2014. № 179. URL: <http://www.elle.fr> (дата обращения: 08.03.2017).
11. **Empire** [Электронный ресурс]. 2011. № 211. URL: <http://www.empireonline.com/> (дата обращения: 08.03.2017).
12. **Empire** [Электронный ресурс]. 2014. № 237. URL: <http://www.empireonline.com/> (дата обращения: 08.03.2017).
13. **Glamour** [Электронный ресурс]. 2015. № 426. URL: <http://www.glamourparis.com> (дата обращения: 08.03.2017).
14. **Joy** [Электронный ресурс]. 2015. № 170. URL: <http://www.wunderweib.de/joy> (дата обращения: 08.03.2017).
15. **Public** [Электронный ресурс]. 2014. № 201. URL: <http://www.public.fr/> (дата обращения: 08.03.2017).
16. **Telle 7 Jours** [Электронный ресурс]. 2014. № 312. URL: <http://www.programme-television.org/magazine/culture/archives> (дата обращения: 08.03.2017).

LINGUO-CULTUROLOGICAL ANALYSIS OF THE ENGLISH AND FRENCH ADVERTISING TEXTS

Bakhmudova Anzhelika Shamilovna, Ph. D. in Philology

Shakhemirova Svetlana Vagidovna, Ph. D. in Philology

Dagestan State University, Makhachkala

angelika_74@mail.ru; vagidovas@mail.ru

The article discovers certain linguo-culturological peculiarities of the English and French advertising texts. Relying on the linguistic analysis the authors identify the frequency of phonetic and lexical means used in advertising texts. The analysis of linguistic means indicates that to achieve successfully the basic purpose of advertising messages, i.e. to attract the addressee's attention, the complex usage of linguistic means is required.

Key words and phrases: linguo-culturological analysis; alliteration; assonance; synsthetic tropes; advertising discourse; positive connotation.

УДК 39; 398:221

Наряду с «осколками» древних мифов в героическом эпосе «Нарты» можно найти и «кусочки» истории – эпические имена, лежащие в основе эпической антропонимии. В статье предпринята попытка интерпретации имени «Сатана» – героини эпоса – через верования индоиранцев. Мотив инцеста с сестрой «прочитывается» автором как наказание Урызмагу в виде публичной поездки верхом на осле задом наперед за нарушение брачного табу. Истолковывается означенный мотив в героических мифах двояко: с одной стороны, начало в истории героя, как и в истории мира, ассоциируется с хаосом; с другой стороны, инцест знаменует как зрелость, так и исключительность героя.

Ключевые слова и фразы: тотемическая мать; божественная сущность; мифологические заимствования; антропологические смешения; экзогамия; инцест; табу.

Бесолова Елена Бутусовна, д. филол. н., профессор

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева (филиал)

Владикавказского научного центра Российской академии наук

elenabesolova@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ СЕМАНТИКАХ В НАРТИАДЕ

«Наследием» древнеиранского мира в эпосе являются Урызмаг и Сатана, составляющие один из основных и архаических циклов осетинской Нартиады. Наше внимание привлекает их мифологический образ, несмотря

на предупреждение Ж. Дюмезиля о том, что «если и есть в них что-либо, оставшееся от бога и богини, то это столь глубоко скрыто, неприметно и так мало согласуется с живыми чертами их существа, что вряд ли стоит и искать» [7, с. 51]. Тем не менее нами в статье предпринята попытка семантического прочтения некоторых спорных мифологем, способствующих восстановлению древнеосетинского мифологического текста и свидетельствующих о форме первобытного мировосприятия и мышления.

В «Вестнике Владикавказского научного центра» [16] опубликована статья известнейшего армянского фольклориста, профессора А. Е. Петросяна *Армянская Сатеник / Сатиник и кавказская Сатана / Сатаней*, вызвавшая к жизни данную публикацию.

Разделяем профессионально отслеженные исторические следы и особенности влияния армянской мифологии и эпоса на все кавказские версии эпоса «Нарты». В то же время никак не можем согласиться с утверждением, что *имя Сатана, вероятней всего, восходит к имени Сатеник / Сатиник из-за того, что не этимологизируется на основе осетинского и кавказских языков и не имеет принятой этимологии* [Там же, с. 8]. Ученый почему-то проигнорировал при этом наблюдение В. И. Абаева относительно «аланского характера этого имени» и того, что «близость имен Сатана – Сатиник и совпадение ряда мотивов является еще одним доводом в пользу аланского происхождения нартовского эпоса» [1, с. 16].

Пожалуй, ни об одном антропониме столько не писали и не спорили, сколько об имени главной героини нартовских сказаний, что привело к самым разнообразным толкованиям слова «Сатана» [5-7; 10], чего мы не будем касаться в нашей статье. Важнее, думаем, остановиться на тех вопросах, которые проясняют данный антропоним.

Почему эта героиня и ее имя встречаются во всех кавказских версиях героического эпоса, и это в то время, когда «усиленно распространяются на Кавказе представления об эпосе, далекие от научной истины» [21, с. 15]?

Почему «Сатану никогда и никем заменить невозможно, равно как нельзя ее удалить из эпоса без того, чтобы не ощутить зияющую пустоту» [1, с. 36]?

Почему «нигде в эпосе мы не находим никаких указаний или намеков на смерть Сатаны» [Там же]?

При ознакомлении с богатейшей литературой по эпосу интуиция всякий раз подсказывала, что истоки имени *Сатана* необходимо искать в верованиях индоиранцев, имеющих глубокие этимологические связи.

Безусловно, образ Сатаны древнее, чем время, представленное в эпосе. Он, по нашему мнению, божественный «осколок» той «эпической эпохи» (Я. Гримм), когда осуществлялось перенесение кровнородственных отношений на внешний мир [18, с. 62]. Это было время, когда ярко выделялась и почиталась *тотемическая мать – мать-главарь, великая мать*, и это длилось довольно долго – до появления отца и великого отца, деда-патриарха; мать могли иметь также и другие явления природы [3, с. 8-10].

Мы осмеливаемся предположить, что имя *Сатана* – сложное слово, состоящее из санскритского *Сат* (*sat*) в значении «единая вечно *сущая* реальность в бесконечном мире; **божественная сущность**, которая есть, но о которой нельзя сказать, что она существует, так как это абсолютность, сама бытийность... корень всей Природы, видимой и невидимой, объективной и субъективной, доступный ощущению высшей духовной интуицией, но никогда не поддающийся полному постижению» [20], и ласково-почтительного названия старейшей женщины рода – бабушки, матери – **ана**. Ср.: др.-инд. *Satī* – «сущая» в древнеиндийской мифологии, жена Шивы (Рудры).

Допускаем развитие из цепочки семантических трансформаций: «мать» → «мать-главарь» → «великая мать» → «божественная сущность» → «божество, богиня». Налицо семантический подъем слова от значений «мать», «мать-главарь», «великая мать» к понятию «божество, богиня».

В языческих верованиях женское божество – обычное явление; существо верхнего мира – женщина – творила жизнь на земле, поэтому женское божество как творец всего сущего обожествлялось и являлось предметом религиозного почитания. Известная специфика магического мышления – постижение наименования или изображения предмета, а также явления как нечто неразделимого и вещественного, имени как вещественной части именуемого – мотивирует отождествление «великой матери», «матери-богини» со всем коллективом людей, каждого члена этого коллектива – равным другому и всем вместе [12, с. 18].

Архетип Великой Матери соответствует женскому божеству; она (Великая Мать) символизирует естественную оплодотворяющую силу природы, воплощенную в образе женщины, она – Мать-Земля [9, с. 85]. Трудно себе представить «смерть» Матери-Земли, символа вечности и жизни.

В Нартиаде богиня-мать наряду со своим божественным супругом, Урызмагом, участвует в творении мира и созидании населяющих мироздание существ (нарт Сослан, нарт Батраз и др.). Сатана – символ женского начала мира и символ космоса; покровительствует также плодородию почвы, скота и людей; с нею связано сезонное умирание и возрождение природы.

Она – оберег нартов; охранительница рода, обладает не только магической властью, но и магическими чертами (оборотничеством) и предметами, к примеру, ритуальным волшебным зеркалом предсказаний, проясняющим три мира; связана также с подземным миром.

Прав профессор А. Е. Петросян, утверждая, что имя главной героини эпоса осетин Сатана присутствует во всех кавказских версиях сказаний о нартах. Но, заметим, в разных традициях героиня эпоса выступает под **одним** и тем же **именем**, правда, в фонетической трансформации (*Сатана; Сетаней; Сатаней-гуаши; Сатанай, Сатаной; Сели-Сата, Сатай-хан; Сатеник, Сатиник*), подтверждая тем самым **факт заимствования**. И это исторически обоснованно.

Известно, что миф передается из племени в племя только при *сильнейшем сближении и смешении*, или, как считают этнографы, они «распространяются вместе с потоками крови», а «следы мифологических заимствований ведут нас по путям антропологических смешений» [8, с. 279-280], что подтверждает прозорливость В. И. Абаева.

Ученый отмечал, что «взаимодействие между иранской и кавказской языковыми средами было настолько тесным и интимным, что исчезал критерий “своего” и “чужого”» [2, с. 78], а антропологические материалы, по мнению выдающегося ученого, лишь подкрепляют «весьма *мешаный* тип осетин, с преобладанием в одних случаях европейских, в других – кавказско-средиземноморских черт» [Там же, с. 79].

Не можем не привести слова В. И. Абаева об *интернационализме* эпоса, который «возник как результат позднейших интенсивных межплеменных связей и влияний, формировавших сходную во многих чертах культуру северокавказских народов», внесших в основу принесенного на Кавказ аланского эпического цикла «некоторые национальные мотивы и сюжеты» [1, с. 8].

В вариантах сказаний «Как Сатана стала женой Урызмага» из цикла «Урызмаг и Сатана» [15, кн. 2, с. 100-105] в Нартиаде описывается процесс приготовления хмельного напитка к возвращению Урызмага с гостями и угощению им. Он понимается нами как *имитация акта божественного творения*. Ср.: «Инцест родоначальников (богов или первых людей) – брата и сестры – является как бы нормальным и неизбежным и отнесен еще к эпохе первотворения до установления строгого космического порядка» [14, с. 59], то есть наблюдаем в приведенном отрывке *ásat* (*то, что не существует*) – неорганизованный, хаотичный космос – до установления *sát* (*то, что существует*) – упорядоченной части космоса, организованного пространства [17, X. 5.7, с. 121].

Последовавшее за этим супружество между братом, символом плодородия и изобилия, и сводной сестрой семантически прочитывается как обряд «священного брака» – обряд ритуального совокупления с целью стимулировать плодородие: по представлениям язычников, обряд сакрального возлияния тесно связан с призывом к божеству послать хороший урожай.

Урызмаг после проведенной ночи с сестрой в глубоком отчаянии: как он покажется на глаза нартам, когда они узнают о его женитьбе на сестре. Сатана находит выход: усаживает брата верхом на осла задом наперед и предлагает ему несколько раз в таком виде проехать по улице. В первый раз он вызывает всеобщее удивление и насмешки, во второй – количество насмешников снижается, а в третий – уже никто не обращает на Урызмага внимания. Тут мудрая Сатана заключила, что то же самое будет и с их женитьбой: посмеются и перестанут. В этом эпизоде нас заинтересовала семантика посадки *верхом на осла задом наперед*.

По В. И. Абаеву, сказание об Урызмаге и Сатане – это «сильно затемненный, обросший позднейшими наслоениями миф о первой человеческой или божественной паре. Их брак – древний мифологический образ, значение которого мы уже не можем полностью уяснить. Именно потому, что подобный кровосмесительный брак принадлежал целиком мифу и не имел никакой опоры в живом быту, понадобилась поездка Урузмага на осла задом наперед как наивная попытка оправдать то, что, казалось бы, не допускает никакого оправдания» [1, с. 40]. Не отрицая этой трактовки В. И. Абаева, осмеливаемся дать несколько иное «прочтение» данного мотива.

Заметим, что мотив инцеста в мифе на глубинном уровне амбивалентен.

Мы обратили внимание на то, что в инцестуальных мотивах Е. М. Мелетинский выделяет, прежде всего, социальный аспект. Но «никак не в виде борьбы патриархата с матриархатом... а именно в связи с нарушением экзогамии и вообще брачных табу» [14, с. 59]: поскольку «нарушение экзогамии есть выражение социального хаоса, который еще в большей мере, чем другие нарушения табу, способен провоцировать и космический хаос... посылаемый *как наказание за инцест* и другие нарушения табу» [Там же] (выделено автором статьи. – Е. Б.). Получается, что инцест с сестрой провоцирует наказание Урызмагу в виде публичной поездки верхом на осла *задом наперед* за такое крайнее проявление сексуальной зрелости, заключающее в себе недопустимое табу.

В героическом мифе инцест трактуется двойственно, «поскольку, во-первых, в истории героя, как и в истории мира, начало ассоциируется с хаосом, и, во-вторых, инцест знаменует зрелость героя и одновременно его исключительность» [Там же]. Рассмотрим данное положение.

Животный мир, как известно, представляет собой своеобразный символический код мироздания, в котором каждый элемент этого кода имеет фиксированное значение и обладает собственной символикой.

Мифопоэтический образ осла глубоко архаичен. Символика его древняя, языческая, противоречивая. С одной стороны, осел – существо космическое, которому ведомо все; священное животное; связан с богинями смерти и возрождения; одна из ипостасей божества, объект культа и пр., с другой – *символ похоти*, материального в человеке, символизирует *инстинкты его тела*. Имел как позитивный, так и негативный аспект; в последнем – прелюбодеи приговаривались к публичной поездке верхом на осла [9, с. 309-310]. В историческое время на Ближнем Востоке образ бога-осла стал срастаться с куклами более крупных мужских божеств.

Из сказаний исходит, что общество нартов с военно-дружинной организацией и древним бытом жизне-радостно и разнообразно. Во главе дружины – *Урызмаг* – др. иран. *varáza* – «дикий кабан, вепрь». В мифопоэтическом мышлении он символ солнца; воплощение духа нивы; в различных мифологических системах Запада и Востока выступает также как олицетворение плотских желаний, страстей и стремления к чувственному наслаждению.

Символика кабана двойственна. С одной стороны, символ силы, агрессии и отваги, символ воинов, а с другой – ассоциируется с похотью и распутством [Там же, с. 197], причем последнее усиливается представлением о крайне сладострастной натуре осла, что было широко распространено в историческое время.

Но, по мнению И. В. Манзуры, упорядоченный мир и неупорядоченный, *sát* и *úsat*, находят свое воплощение в представлениях древних индоариев о посмертной участи усопших [13, с. 36].

В ритуальном пространственном переворачивании (*задом наперед*) [19, с. 119] прочитывается *временная смерть* «кабана» Урызмага – как своего рода переход в иное состояние – с целью установления организованного космоса, потому что *sát* происходит из *asat*, сущее из не-сущего [17, X. 72.3, с. 208].

Инициатива инцеста, несмотря на сопротивление брата, принадлежит сводной сестре, Сатане, и обусловлена, на наш взгляд, «склонностью к индивидуализации, поскольку символом инцеста является *союз аналогичных сущностей*» [9, с. 194] (выделено автором статьи. – Е. Б.).

Таким образом, прочтение лишь одного сказания подвело нас к эпохе мифотворчества, когда символизация связей человека с природными и социальными реалиями, от которых зависела жизнь, мотивировалась образно присутствовавшими в его мировоззрении элементами культуры, а их осознание являлось наиболее ранней формой упорядочения мира.

Исследователи пишут о том, что «внешне столь производные, одни и те же мифы воспроизводятся с буквальной точностью в самых различных районах мира» [11, с. 154]. Думаем, что ответ, почему это происходило, дает Гарольд Бейли, заявивший, что «первоначальное единство человеческой расы, по общему признанию, доказывается сходством фольклорных обычаев во всем мире, сказок и суеверий, но особенно *языка*. Филология уже установила такие сходства, которые могут объясняться только предположением, что у человечества была общая колыбель; связь между всеми языками, как связь между сестрами, дочерьми одной матери, умершей при их рождении» [4, с. 563].

Список источников

1. **Абаев В. И.** Нартовский эпос // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. 1945. Т. 10. Вып. 1. С. 7-118.
2. **Абаев В. И.** Осетинский язык и фольклор. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. I. 601 с.
3. **Ахметьянов Р. Г.** Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1981. 144 с.
4. **Бейли Г.** Забытый язык символов. М.: Центрполиграф, 2010. 573 с.
5. **Гаглойти Ю. С.** Нарты и аланы. Цхинвал: Республика, 2017. 464 с.
6. **Гуриев Т. А.** Антропонимия осетинского нартовского эпоса. Орджоникидзе: Изд-во СОГУ, 1981. 80 с.
7. **Дюмезиль Ж.** Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976. 276 с.
8. **Золотарев А. М.** Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1964. 328 с.
9. **Кирло Х.** Словарь символов. М.: Центрполиграф, 2010. 525 с.
10. **Кумахов М. А., Кумахова З. Ю.** Нартовский эпос: язык и культура. М.: Наследие, 1998. 312 с.
11. **Леви-Строс К.** Структура мифов // Вопросы философии. 1970. № 7. С. 154-164.
12. **Маковский М. М.** Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. М.: ВЛАДОС, 1996. 416 с.
13. **Манзура И. В.** Археология основного мифа // Стратум: структура и катастрофы: сборник символической индоевропейской истории. СПб.: Нестор, 1997. С. 26-46.
14. **Мелетинский Е. М.** Об архетипе инцеста в фольклорной традиции (особенно в героическом мифе) // Фольклор и этнография: у этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л.: Наука, 1984. С. 57-62.
15. **Нарты. Осетинский героический эпос.** М.: Главная редакция восточной литературы, 1990. Кн. 1. 431 с.; 1989. Кн. 2. 492 с.
16. **Петросян А. Е.** Армянская Сатеник / Сатеник и кавказская Сатана / Сатаней // Вестник Владикавказского научного центра. 2016. Т. 16. № 1. С. 8-17.
17. **Ригведа. Мандалы IX-X** / сост., пер., ст. и примеч. Т. Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1999. 559 с.
18. **Токарев С. А.** Ранние формы религии и их развитие. М.: Наука, 1964. 576 с.
19. **Толстой Н. И.** Переворачивание предметов в славянском погребальном обряде // Исследования в области балтославянской духовной культуры: погребальный обряд. М.: Наука, 1990. С. 119-128.
20. **Философский словарь. Энциклопедия философских терминов** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovarslov.ru/slovar/fil/s.html> (дата обращения: 02.12.2017).
21. **Чибиров Л. А.** Осетинская Нартиада: мифологические истоки и ареальные связи. Владикавказ: Ир, 2016. 463 с.

ON DEBATABLE SEMANTICS IN NART SAGAS

Besolova Elena Butusovna, Doctor in Philology, Professor
V. I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanities and Social Studies (Branch)
of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
elenabesolova@mail.ru

Along with the “fragments” of ancient myths Nart sagas contain the “pieces of history” – epic names constituting the basis of epic anthroponymy. The article proposes an interpretation of the name “Satana” – epic heroine – through the Indo-Iranian beliefs. The author interprets the motive of incest with a sister as Uryzmag’s retribution for violation of marital taboo in the form of riding donkey in public, with his back to front. This motif in the heroic myths is interpreted in two ways: on the one hand, the beginning in the history of the hero, as in the history of the world, is associated with chaos; on the other hand, incest marks both the maturity and oneness of the hero.

Key words and phrases: totemic mother; divine essence; mythological borrowings; anthropological mixtures; exogamy; incest; taboo.